

ЕВРОПЕЙСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Андрей Заостровцев

Россия: жизнь после
2013 года

Препринт М-51/16

Центр исследований
модернизации

Санкт-Петербург
2016

УДК 330.34; 338.091

ББК 65.013.8

3-29

3-29 Заостровцев А.П.

Россия: жизнь после 2013 года / Андрей Заостровцев: Препринт М-51/16 — СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2016. — 44 с. — (Серия препринтов; М-51/16; Центр исследований модернизации).

В состоящей из двух частей работе вначале подробно рассматриваются количественные оценки потерь благосостояния жителей России после 2013 г. Для этого широко используются не только официальные статистические показатели, но исследования, где содержатся собственные оценки россиян. Проводится международное сравнение доходов (средних зарплат и пенсий) в России и Балтийских странах за ряд лет. Во второй части показывается негативное влияние контрсанкций на положение на продуктовом рынке РФ и несостоятельность этих санкций в качестве «ответа Западу». В то же время раскрывается более чем лояльное отношение российского населения к такой политике властей. В заключении предпринята попытка представить сложившуюся политико-экономическую ситуацию и возможные тренды как порождение укорененных в массовом сознании традиционных русских стереотипов.

Информация об авторе: Заостровцев Андрей Павлович — кандидат экономических наук, научный сотрудник Центра исследований модернизации Европейского университета в Санкт-Петербурге, профессор Научно-исследовательского университета Высшая школа экономики — Санкт-Петербург (zao-and@yandex.ru).

Введение

Современная история России удивительно напоминает события столетней давности. Возьмем пресловутый 1913 г., с которым советская пропаганда очень часто любила сравнивать достижения за годы социализма: например, выплавка стали в 1970 г. превышает в n раз уровень 1913 г. и т. п. Эти сравнения до того приелись, что даже становились объектами легальной сатиры: достаточно вспомнить спектакль «Необыкновенный концерт» кукольного театра Сергея Образцова¹. 1913 г. был выбран как точка отсчета не случайно: нужен был последний предвоенный год, чтобы продемонстрировать «объективность». Однако и в самом деле 1913-й был годом наивысшего благополучия за всю историю царской России (а не только годом 300-летия дома Романовых).

Ровно 100 лет спустя 2013 г. становится пиком процветания путинской России. Спад 2009 г. был не просто преодолен; все главные докризисные экономические показатели оказались превышены. И тот факт, что темпы экономического роста явно замедлялись, не очень беспокоил Кремль: цена нефти устойчиво держалась в районе \$110 за баррель, а значит, можно было не только не бояться за внутреннее положение, но и планировать глобальные «великие дела».

¹ В этом спектакле кукольный персонаж — конференсье Эдуард Апломбов — произносит следующую тираду: «От всей души, тем не менее, мы можем всех заверить, что стремимся удовлетворять все ваши запросы и потребности, столь заметно выросшие по сравнению с 1913 годом».

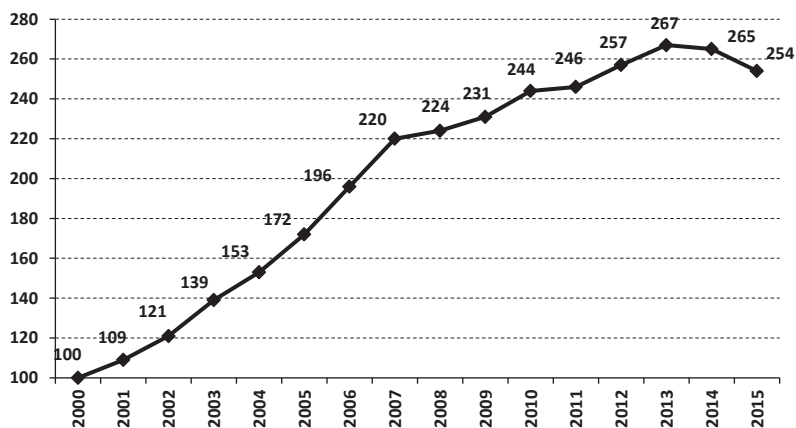
1914 г. стал поворотной точкой в истории царской России. Долгий мир сменила глобальная война. В 2014 г. Россия также оказалась в состоянии войны, хотя до масштабов 1914 г., разумеется, еще очень далеко. Одновременно в течение буквально 2–3 месяцев было утрачено нефтегазовое благополучие. Цены на нефть рухнули вниз более чем в два раза, примерно настолько же обесценилась и национальная валюта. Конфликт с Украиной обернулся конфликтом с Западом. Введенные им экономические санкции Россия дополнила собственными контрмерами. Формально направленные против Запада, они стали для российского населения более тяжелым бременем, чем негативный эффект от внешних санкций.

В 2015 г. международное напряжение в целом не спадало. Россия открыла «ближневосточный фронт»: приняла активное участие в военном противостоянии в Сирии, которое продолжается и поныне. В том же 2015 г. после инцидента со сбитым турками российским бомбардировщиком резко обострились отношения с Турцией. Началось развертывание направленных против нее экономических санкций, которые, учитывая заметно возросшую ее роль в качестве торгового партнера в условиях введенного Россией эмбарго на поставки продовольствия из стран ЕС и ряда других государств, грозили стать новым ударом для населения. По счастливой случайности политические события повернулись таким образом, что летом-осенью 2016 г. экономические отношения с Турцией были восстановлены.

Таким образом, 2014 г. открыл историю обрушившегося и продолжающегося рушиться благополучия россиян. Однако для того, чтобы оценить падение, надо прежде всего взглянуть на вершину, с которой оно происходило. И здесь придется снова вспомнить про 2013 г. Это был последний год в XXI в., когда благосостояние росло. Теперь этот пик пройден, и вряд ли он будет скоро достигнут вновь.

1. Благополучие: начало крушения

На рис. 1 представлено изменение реальных располагаемых доходов населения России в XXI в. Сразу обращает на себя внимание и тот факт, что в кризис 2008–2009 гг. эти доходы, в отличие от ВВП, не сокращались, а увеличивались! Поэтому на основе статистических данных от начала текущего века можно утверждать, что 2014 г. был первым годом, когда наблюдалось снижение рассматриваемого показателя. Пусть для начала и очень небольшое. Однако в 2015 г. оно стало уже ощутимым.

Источники: [Социальное положение 2004]; [Социальное положение 2009]; [Социальное положение 2014]; [Социальное положение 2015]; [Реальные 2016]; расчеты автора.

Рис. 1. Реальные располагаемые денежные доходы населения Российской Федерации (2000 г. — 100%)

В январе–августе 2016 г. спад продолжился. По сравнению с аналогичным периодом прошлого года реальные располагаемые доходы населения сократились на 5,8%, тогда как годом ранее падение составило 4,0% [Уровень жизни и доходы 2016]. Таким образом, темпы снижения данного показателя ускоряются, и они непосредственно затрагивают едва ли не половину населения².

По расчетам Института социальной политики НИУ ВШЭ, октябрь 2014 г. стал последним месяцем роста реальных доходов населения. По отношению к нему на апрель 2016 г. потери в реальных доходах насе-

² В июне 2016 г. 42% респондентов регулярного опроса, проводимого Институтом социальной политики (НИУ ВШЭ, Москва), отметили ухудшение финансового положения своих семей на протяжении последних 12 месяцев. При этом оно охватывает в большей степени бедные семьи. Среди тех из них, кому не хватает денег даже на продукты, данное ухудшение отметили 69,7% семей, а среди тех, кому затруднительна покупка одежды, — 57,7%. В то же время среди тех семей, кому затруднительна лишь покупка бытовой техники, таковых оказалось 35,7%. Менее всего понесших финансовые потери среди тех семей, для кого затруднительна только покупка автомобиля, — 24,7% [Население России 2016, с. 23, 43].

ния составили 9,3%, в реальных пенсиях — 6,1%, в реальных зарплатах — 4,9% [Население России 2016, с. 8]. За январь–август 2016 г. по отношению к соответствующему периоду прошлого года реальная зарплата практически не изменилась (-0,3%), но снижение реального размера назначенных пенсий было более заметным (-3,7%) [Социально-экономическое положение России 2016]. Опережающие по сравнению с реальными зарплатами темпы снижения реальных пенсий в 2016 г. связаны: а) с неполной их индексацией в феврале 2016 г.³; б) с прекращением индексирования страховой части пенсии работающим пенсионерам.

Оперативные статистические данные позволяют с очень большой долей уверенности предположить, что в 2016 г. реальные доходы окажутся ниже уровня 2015 г. Таким образом, их сокращение будет наблюдаться третий год подряд. Однако если вспомнить целевой и консервативный варианты последнего прогноза Минэкономразвития РФ, то в них это сокращение распространяется и на 2017 г. [Сценарные условия 2016]. В прогнозе экспертов Центра развития НИУ ВШЭ небольшой рост реальной зарплаты начнется в 2017 г. при среднегодовой цене нефти в \$50 за баррель; в случае \$35 за баррель его начало переносится на 2020 г. [Наш экономический 2016].

Динамика доходов населения России в сравнении с другими странами демонстрирует достаточно быстрое восхождение благосостояния до уровня среднеразвитых стран и последовавшее затем скатывание вниз, которое с большой долей вероятности будет продолжаться и приведет к очевидной утрате завоеванных позиций. Для начала проведем сопоставление доходов по номинальным обменным курсам. Известно, что оно имеет ряд серьезных недостатков. Они перечислены в исследовании Института социальной политики НИУ ВШЭ⁴. В то же время такое сопоставление не лишено смысла, особенно если речь идет о странах примерно одинакового уровня развития. Это более-менее гарантирует, что разрывы в стоимо-

³ С 1 февраля 2016 г. пенсионные выплаты были проиндексированы на 4% [Пенсионный эксперт 2016], в то время как измеренная по индексу потребительских цен инфляция составила в 2015 г. 12,9%, а по продовольственным товарам — 14,0% [Социально-экономическое положение России 2016].

⁴ Во-первых, обменные курсы не учитывают различий в стоимости жизни в разных странах; во-вторых, они устанавливаются на основе цен на торгуемые на международных рынках товары, в то время как частное потребление внутри страны во многом формируется в неторгуемом секторе (коммунальные, бытовые, медицинские услуги и т. п.); в-третьих, волатильность валютных курсов дает неустойчивые результаты [Мониторинг 2016, с. 24–25].

сти жизни не будут слишком велики. Волатильность же пересчитанных в мировые валюты доходов отчасти погашается, если выбрать длительные периоды (например, сравнивать доходы по годам на основе среднегодовых курсов).

Кроме того, в условиях глобализации экономических отношений роль номинального обменного курса в сфере межстрановых сравнений доходов граждан возрастает. Так, в России все шире распространяется интернет-торговля с зарубежными поставщиками⁵. Многие россияне, проживающие на расстоянии не более 200–300 км от границ со странами ЕС, продолжают свои периодические покупки в этих странах, несмотря на обесценение рубля. Разумеется, турпоток ради шопинга существенно уменьшился, но он сократился бы куда больше, если бы не противовес в виде российских контрсанкций, вынуждающих покупать качественное продовольствие в соседних странах⁶. Далее отметим и то обстоятельство, что за годы нефтегазового благополучия даже представители среднеобеспеченных слоев российского населения нередко обзаводились зарубежной недвижимостью, которая тогда представлялась дешевой относительно цен на аналогичное жилье в крупных городских центрах РФ. Приобретение же жилья за рубежом означает не только разовые, но и регулярные расходы в иностранной валюте (оплата коммунальных услуг, налога на недвижимость, траты на проживание в периоды пребывания и т. д.).

Однако приведенные соображения о значимости номинального валютного курса явно меркнут на фоне стремления россиян спасти обесценивающиеся активы посредством ухода в иностранную валюту (доллары и евро). На покупку иностранной валюты население в первый год кризиса

⁵ В 2015 г., несмотря на провал рубля, на 75% увеличилось число заказов, сделанных россиянами в зарубежных интернет-магазинах. И это при том, что в целом рынок интернет-торговли с поправкой на инфляцию вырос всего на 3%. Доля заказов в зарубежных интернет-магазинах выросла с 24% в 2014 г. до 34% в 2015 г. [Демидова 2016]. Иначе говоря, треть интернет-торговли напрямую связана с номинальным курсом рубля, и эта склонность к прямым покупкам за рубежом, по всей видимости, будет только усиливаться.

⁶ В 2015 г. финский регион Южная Карелия посетило почти 1,4 млн туристов, 97% из них — россияне, подсчитали эксперты Центра исследований и анализа ТАК Оу (Финляндия). Эксперты опросили почти 21 тыс. человек (из них 8,5 тыс. россиян) на 12 пограничных пунктах Финляндии. Статистики выяснили, что за прошлый год отдыхающие из России потратили в Южной Карелии 148 млн евро, из которых 134 млн — это покупка товаров. Мэр Лаппеенранты Киммо Ярва рассказал, что, как и в прежние годы, туристы из России приезжают за финскими продуктами питания (88%) и хозяйвами (52%) [Что ищут петербуржцы 2016].

(2014 г.) истратило 5,8% своих денежных доходов. Эта цифра заметно выросла по сравнению с 2013 г. (4,2%) и, что самое главное, многократно превысила средства, направленные на накопление сбережений во вкладах и ценных бумагах (0,2% от денежных доходов 2014 г.). Годом же ранее последняя цифра составляла 6,3% [Социальное положение 2015, с. 93]. В 2015 г. соотношение между накоплением сбережений во вкладах и ценных бумагах, с одной стороны, и средствами, затрачиваемыми на покупку валюты, практически вернулось к 2013 г.: 6,5% против 4,2%. В январе–августе 2016 г. эти цифры составили 4,5% и 3,9% [Социально-экономическое положение России 2016]. По всей видимости, это связано с большой амплитудой колебаний курса на протяжении всего 2015 г. и части 2016 г., что повышало риски и не гарантировало прибыльности вложений. Однако даже из данных за 2015 г. и восемь месяцев 2016 г. видно, что российские граждане вкладывали в валюту 39% и 46% сбережений соответственно.

Вложения в валюту в предкризисный период оказались самыми выгодными. Если предположить, что некий житель России сумел скопить к 2013 г. 30 тыс. долларов, то он мог приобрести в том же году на эти деньги 19 м² жилья на первичном и 17 м² жилья на вторичном рынке, если считать по средним в стране ценам квадратного метра и среднегодовому курсу рубля к доллару США. В 2014 г. эти цифры вырастают до 22 м² и 20 м² соответственно. Но воистину феноменальный выигрыш на рынке недвижимости ждал бы нашего дальновидного россиянина в 2015 г.: 35 м² на первичном рынке и 32 м² — на вторичном [Расчитано по: Обменный 2016; Индексы 2016]. При этом в 2015 г. рублевые цены квадратного метра опустились ниже уровня 2008 г., так что инвестиции в недвижимость были бы убыточными на отрезке 2008–2015 гг. [Индексы 2016]. Этот пример как нельзя лучше подчеркивает важность номинального валютного курса для благосостояния жителей России. 2014–2016 гг. доказали, что сбережения в годы нефтегазового процветания лучше всего было трансформировать в доллары и евро. Ведь цены в рублях (например, на ту же жилую недвижимость) часто отставали от инфляции, тогда как скачки курса в эти годы перекрывали ее в несколько раз.

В результате все вышесказанное дает основания проводить межстрановой сравнительный анализ обеспеченности населения не только на основе паритета покупательной способности (ППС). Ниже в табл. 1 приведены средние зарплаты в России, Латвии, Литве и Эстонии. Российские зарплаты пересчитаны в евро по среднегодовому курсу (2016 г. — по среднему курсу за полугодие). Поскольку в России наблюдается очень

большой территориальный разрыв в средних зарплатах, то кроме средней зарплаты по стране пересчитаны в евро средние зарплаты по Москве, Санкт-Петербургу и Псковской области. Если первые два субъекта Федерации являются лидерами того, что российский географ Н. Зубаревич называет первой Россией, то последний представляет вторую и третью⁷.

Таблица 1. Средние зарплаты в евро*

	2011	2012	2013	2014	2015	2016 (I п/г)
Латвия	660	685	716	765	818	835
Литва	593	615	646	677	712	756
Эстония	836	884	949	1005	1065	1127
Россия	572	667	705	644	504	483
Москва	1099	1223	1313	1213	954	938
Санкт-Петербург	722	824	872	807	648	661
Псковская область	385	456	467	416	318	295

* Российские зарплаты пересчитаны по среднегодовому номинальному курсу.

Источники: [Основные производные показатели 2016]; [Рынок труда 2016]; [Социально-экономическое положение федеральных 2016]; [Central Statistical Bureau, Latvia 2016]; [Statistics Estonia 2016]; [Statistics Lithuania 2016]; расчеты автора.

Из табл. 1 хорошо видно, что в 2012–2013 гг. средняя зарплата по России сумела опередить только литовскую среднюю зарплату — самую низкую из трех Балтийских стран. Средняя зарплата по Санкт-Петербургу на пике 2013 г. уступала лишь соответствующему эстонскому показателю. Эта позиция не была еще утрачена и в 2014 г., а средняя зарплата по Москве опережала эстонскую весь период 2011–2014 гг. Однако Россия — это не только Москва и Санкт-Петербург. Средняя зарплата в Псковской области всегда плелась далеко позади даже литовского показателя. В лучшем случае (в 2013 г.) она составляла 72% литовской и 65% по отношению к соседней с ней Латвии.

⁷ К первой России отнесены города с населением 1 млн и более человек, а также приближающиеся к ним. Ко второй России отнесены средние города с населением от 50 тыс. до полумиллиона, а к третьей — малые города с населением до 20 тыс. и сельская местность [Zubarevich 2015, p. 22–25].

2014 г. отбросил Россию назад. Среднероссийская зарплата вновь оказалась позади всех средних зарплат Балтийских стран. Однако куда более удручающая картина наблюдается в 2015 г.: Москва уступила первенство Эстонии, а Санкт-Петербург уступил даже Литве. Отставание же Псковской области по рассматриваемому показателю стало очень значительным: 39% от уровня Латвии и 45% от уровня Литвы.

Еще более явно отставание обозначилось в первой половине 2016 г. Даже латвийская зарплата приблизилась к московской. Средняя же зарплата в Санкт-Петербурге, несмотря на ее небольшой рост в валютном выражении, составила 87% от самой низкой — литовской (в 2015 г. — 91%). Что же касается Псковской области, то средняя зарплата там составила 35% от латвийской и 39% от литовской.

В настоящее время Минфин РФ заложил в прогноз постепенное повышение курса рубля к доллару вплоть до 71,1 руб. за доллар в 2019 г. [Минфин заложил 2016]. Если этот рост будет опережать рост номинальных доходов граждан России, то наблюдавшаяся последние два с половиной года тенденция к снижению средних зарплат в валютном измерении будет продолжена. Так что четко наметившийся в 2015 г. и продолжившийся в I полугодии 2016 г. тренд на увеличение разрыва в средних зарплатах найдет свое продолжение.

Если обратиться к пенсиям, то бросается в глаза то обстоятельство, что в России первенство по их среднему размеру принадлежит не Москве, а Санкт-Петербургу. Но даже в счастливые 2012–2013 гг. петербургские пенсии превышали только литовские. На этом российские пенсионные «достижения» заканчиваются. И, как видим, подобно средним зарплатам в 2014–2015 гг. средние пенсии в РФ все больше отстают от таковых в странах Балтии. Если в 2013 г. отношение средней российской пенсии к таковой в Литве (где пенсии — самые низкие из трех Балтийских государств) составляло 0,91, то в 2015 г. — лишь 0,66. При этом средняя пенсия в России в 2015 г. более чем вдвое отстает от эстонской средней пенсии.

Что касается первой половины 2016 г., то пенсии даже выросли в пересчете на евро (причина, скорее всего, в том, что российская статистика за среднюю пенсию берет средний размер назначенных в том или ином году пенсий, что, естественно, превышает среднюю величину фактически получаемых пенсий). И, несмотря на это, соотношение средней пенсии по России к средней пенсии по Литве составило все те же 66%.

В мае 2016 г. Институт социальной политики НИУ ВШЭ опубликовал сравнительный анализ динамики заработных плат в России и 16 других странах мира за 2011–2015 гг. с использованием разных методик приведе-

ния их в сопоставимый формат. Расчеты на основе номинальных валютных курсов показали, что переведенная в доллары США средняя заработная плата в России выросла с \$795 в 2011 г. до \$936 в 2013 г., но затем сократилась до \$847 в 2014 г. (уменьшение почти на 10%) и до \$558 в 2015 г. (снижение на треть или 34% к уровню 2014 г.). И здесь Россия уступает Бразилии (\$653), Венгрии (\$887), Чехии (\$1053) [Мониторинг 2016, с. 27–28]. Данные по Польше, Болгарии, Румынии, Китаю и Хорватии за 2015 г. не приводились, но можно легко догадаться, что Россия оказалась позади всех этих стран, так как уже в 2014 г. только болгарская средняя зарплата (\$556) чуть-чуть уступала российской. Вряд ли можно сомневаться, что это отставание в 2 доллара было преодолено в 2015 г. с избытком. Что же касается остальных из перечисленных стран, то у них долларовые зарплаты были выше уже в 2014 г.: Польша — \$1197, Румыния — \$695, Китай — \$765, Хорватия — \$1383. Но и на пике благополучия в 2013 г. Россия уступала четырем странам: Польше — \$1158, Венгрии — \$1031, Чехии — \$1279 и Хорватии — \$1393, а опережала остальные 11 стран, при этом не намного обогнав Бразилию (\$877) [Там же, с. 28].

Таблица 2. Средние пенсии в евро*

	2012	2013	2014	2015	2016 (I п/г)
Латвия	257	259	266	273	278
Литва	236	238	240	244	255
Эстония	313	327	345	365	381
Россия	207	217	199	161	168
Москва	223	233	215	182	182
Санкт-Петербург	240	250	227	184	190
Псковская область	197	206	189	153	159

* Российские пенсии пересчитаны по среднегодовому номинальному курсу.

Источники: [Основные производные показатели 2016]; [Социально-экономическое положение федеральных 2016]; [Назначенные 2016]; [Central Statistical Bureau, Latvia 2016]; [Statistics Estonia 2016]; [Statistics Lithuania 2016]; расчеты автора.

Далее было проведено сравнение тех же стран по средним зарплатам, но только пересчет в доллары осуществлялся по ППС. Авторы воспользовались программой международных сравнений Всемирного банка, который экстраполировал валютные курсы по ППС на 2012–2014 гг. на основе Международного обследования 2011 г. И затем, следуя методике Всемир-

ного банка, рассчитали курс по ППС для 2015 г. Вышло 19 руб. за доллар вместо среднегодового номинального курса в 61 руб. Данный результат было решено скорректировать, так как признали, что экстраполяция Всемирного банка для периода 2012–2014 гг. исходила из низкой инфляции и может не отражать реального масштаба девальвационных процессов в экономике России. Правда, произведенный Институтом социальной политики перерасчет поднял курс рубля в 2015 г. лишь на три рубля — до 22 руб. за доллар [Там же, с. 34]. И если принять произведенные Институтом оценки, то увидим следующие средние зарплаты (табл. 3).

Таблица 3. Реальная среднемесячная заработная плата в долларах на основе обменных курсов по ППС 2011 г. и рассчитанных методом экстраполяции на 2012–2015 гг.

	2011	2012	2013	2014	2015
Азербайджан	1105	1221	1291	1356	1340
Армения	588	613	731	751	781
Беларусь	1037	1286	1519	1563	1508
Кыргызстан	531	608	611	626	605
Молдова	558	606	639	687	716
Россия	1394	1543	1640	1686	1529
Таджикистан	235	284	344	387	391
Украина	800	932	1024	984	792
Казахстан	1077	1176	1215	1283	1252
Бразилия	960	1025	1061	1105	1072
Болгария	883	929	989	1077	1173
Польша	1754	1791	1867	1959	...*
Румыния	1052	1082	1107	1198	1324
Венгрия	1536	1552	1601	1680	1748
Китай	942	1049	1141	1245	...*
Чехия	1678	1700	1698	1705	1665
Хорватия	1796	1791	1792	1828	1891

* Данные отсутствуют.

Источник: [Мониторинг 2016, с. 35].

На основании данных табл. 3 можно заметить, что измеренная через ППС долларовая зарплата в России росла вплоть до 2014 г. включительно. Именно в 2014 г. был достигнут максимум в 1686 долларов. И тогда Россия уступала по этому показателю только Польше (\$1959), Хорватии

(\$1828), Чехии (\$1705) и немного опережала Венгрию (\$1680). В 2015 г. рассчитанная таким образом средняя зарплата снизилась на 9,4%. И, как можно заметить, она стала уступать венгерской. Поскольку с уверенностью можно предположить, что в Польше средняя зарплата не снизилась, то в итоге в 2015 г. среди рассмотренных 17 стран Россия сместилась на одно место вниз (с четвертого на пятое). Но она по-прежнему еще находится в группе среднеразвитых стран. При этом совсем рядом с ней оказалась Беларусь (\$1508). Отставание от России у нее всего \$21.

Если при сравнении в евро и долларах по номинальному курсу Россия выпадает из числа среднеразвитых стран, то при использовании ППС она несколько отстает от их «передовиков» в 2015 г., но далеко не настолько, чтобы не оставаться в их числе. Заметим, однако, что при расчете ППС в качестве относительного показателя стоимости потребительской корзины используют индекс потребительских цен (ИПЦ). Таким же образом поступают и в рассмотренном выше исследовании эксперты Института социальной политики. «Мы предлагаем собственные оценки индекса ППС на период 2012–2015 гг., построенные методом экстраполяции по формуле, используемой Всемирным банком, на основе фактических данных ППС за 2011 г. и данных об индексах потребительских цен в различных странах» [Там же, с. 34].

Однако вся проблема заключается в том, что в теории необходимо сравнивать абсолютно одинаковые для всех стран потребительские корзины. На практике же национальные органы статистики при расчете ИПЦ в разных странах используют *разные* потребительские корзины. В результате, если даже предположить, что Всемирный банк каким-то чудом смог обойти эту проблему при расчете исходного ППС в 2011 г., то последующие экстраполяции уж никак не могли от нее избавиться⁸. Этот недоста-

⁸ Например, если надо получить курс по ППС в долларах для национальной валюты какой-то страны i в 2012 г., то применяется следующая формула:

$$\text{ППС}_i^{2012} = \text{ППС}_i^{2011} \cdot \frac{\text{ИПЦ}_i^{2012}}{\text{ИПЦ}_{\text{США}}^{2012}}$$

Ясно, что потребительская корзина, используемая для расчета ИПЦ в США, совсем не то же самое, что потребительская корзина в стране i . Если же двумя странами дело не ограничивается, то тогда имеют значение еще и расхождения между структурами потребительских корзин и принятыми весами отдельных потребительских благ в этих корзинах у всех стран, которые поочередно становятся на место страны i . Избежать такого несоответствия нельзя по двум причинам: во-первых, невозможно за национальные статистические органы пересчитать ИПЦ на основе

ток международных сравнений на основе ППС — не единственный. Если даже предположить, что удалось собрать единую потребительскую корзину, то качество товаров и услуг одного и того же назначения в ней будет разное в зависимости от уровня развития страны.

Оба эти недостатка играют в пользу менее развитых и менее благополучных стран. Они искусственно завышают реальное денежное довольствие своего населения при трансформации его доходов в мировые валюты на основе ППС. Поэтому использование ППС — далеко не панацея. И связанные с ним недостатки едва ли не столь же серьезные, как и в случае сравнения доходов посредством обращения к номинальным курсам национальных валют.

Для комплексной оценки благосостояния важна не только оценка доходов, но и расходов населения. По данным исследовательского холдинга Ромир, реальные (очищенные от инфляции) повседневные расходы россиян последние три месяца отстают от показателей последних трех лет и находятся примерно на уровне января 2012 г. (в августе — на 2% ниже). Средний чек уже семь месяцев подряд сохраняет минимальные значения, что в условиях сокращения расходов говорит о том, что потребители реже ходят в магазины [Ромир 2016б].

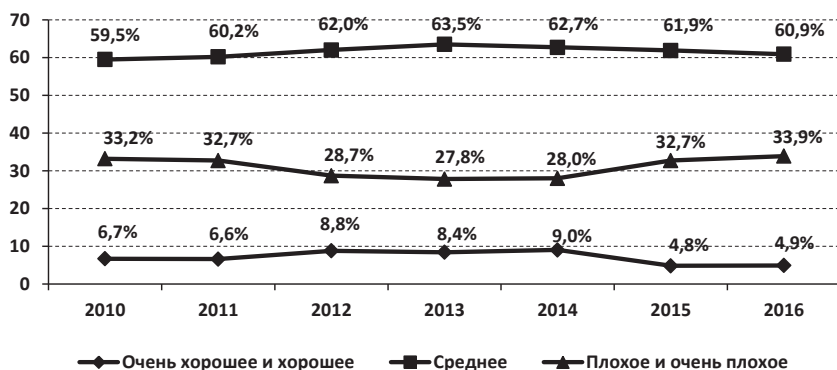
Низко- и среднеобеспеченные группы населения в России продолжают пребывать в режиме экономии. Происходит сближение потребительских адаптационных стратегий бедного населения и среднего класса. Россияне, входящие в доходную группу обеспеченности «выше среднего», в половине случаев прибегают к экономии, в то время как среди среднеобеспеченных групп таких две трети, а среди бедных — 85% [ИСАП 2016б].

Все это, естественно, негативно отражается на розничном товарообороте. По расчетам Института социального анализа и прогнозирования (ИСАП), за два года (июль 2016 г. к июлю 2014 г.) объем розничных продаж сократился на 14% [ИСАП 2016в].

Кроме оценок реальных доходов, зарплат и пенсий Росстат проводит ежеквартальные обзоры мнений самих россиян о своем материальном положении. Наглядно результаты опросов в I кварталах 2010–2016 гг. изображены на рис. 2. По сравнению с 2013 г. доля тех, кто оценивает свое

какой-то новой, единой для всех стран потребительской корзины; во-вторых, такая корзина не имела бы смысла, поскольку национальные корзины отражают местные реальности в сфере потребления, которые могут быть очень далеки друг от друга. Абсурдно изобретать единую потребительскую корзину не только, скажем, для США и Таджикистана, но даже для Чехии и Молдовы.

положение как «плохое или очень плохое», увеличилась в 2016 г. на 6,1 процентных пункта (п.п.), и, напротив, доля тех, кто оценивает свое положение как «очень хорошее или хорошее», сократилась на 3,5 п.п. При этом, естественно, постепенно вымывалась доля тех, кто оценивал свое положение как «среднее»: она уменьшилась на 2,6 п.п. 2014 г. не демонстрирует ухудшения по сравнению с 2013 г., поскольку негативные сдвиги в экономике только начали происходить во второй половине года. Зато 2015 г. показывает уже явный крен к худшей самооценке материального положения. Начало 2016 г. выявило продолжение снижения доли «средних» и роста доли «плохих и очень плохих».

Источник: [Уровень, Росстат 2016].

Рис. 2. Мнение населения о текущем материальном положении в I кварталах 2010–2016 гг.

Проведенные НАФИ (Национальное агентство финансовых исследований) опросы демонстрируют: в 2015 г. существенно сокращается процент тех, кто отвечает, что денег хватает на продукты и одежду, но покупка вещей длительного пользования затруднена. В 2013 и 2014 гг. эта категория составляла 55% опрошенных, а в 2015 г. — только 41%. Одновременно выросла доля тех, кому на покупку продуктов хватает средств, но уже покупка одежды вызывает финансовые затруднения (18% в 2014 г. и 25% в 2015 г.). При этом за год с 3% до 7% вырастает группа, которая едва сводит концы с концами; ее представителям денег не хватает даже на продукты. В 2016 г. положение становится еще хуже. Доля последней группы вырастает до 9%. Удельный вес тех, кому хватает средств на про-

дукты, но финансовые затруднения вызывает приобретение одежды, также относительно увеличился — с 25% до 30%. Зато меньше стала доля и тех, для кого проблемной является только покупка товаров длительного пользования (38% вместо 41% годом ранее). И, наконец, закономерные метаморфозы произошли с теми, кто без труда может приобретать вещи длительного пользования. В 2015 г. их доля выросла до 24% (максимум за весь период наблюдений с 2004 г.), но в 2016 г. она сокращается на 6 п.п. — до 18% [НАФИ 2016б]. Описанный здесь процесс вполне можно назвать «сдвигом среднего класса».

Данные ВЦИОМ (Всероссийского центра исследования общественного мнения) относятся к потребительским настроениям россиян. Они заметно ухудшились по сравнению с августом 2013 г. Тогда его назвали скорее хорошим для крупных покупок временем 46% опрошенных и скорее плохим — 38%. Ровно три года спустя картина стала следующей: скорее хорошим временем для крупных покупок август 2016 г. сочли 24%, скорее плохим — 60%. И хотя год назад результаты были заметно хуже (18% против 64%), но прогресс пока, как видим, не очень значительный. Такой же вопрос задавался и относительно кредитов. Август 2013 г. 25% сочли скорее хорошим временем для взятия кредитов и 61% — скорее плохим. Аналогичные цифры для августа 2015 г. — 9% и 77%, а для августа 2016 г. — 9% и 79% соответственно. Объективности ради следует заметить, что абсолютно худшая ситуация наблюдалась в апреле 2016 г. (5% и 87% соответственно), но все равно контраст с 2013 г. сохраняется [ВЦИОМ 2016].

Институт социальной политики НИУ ВШЭ провел в июне 2016 г. опрос населения на предмет оценок собственного материального положения. Он показал очень широкое распространение бедности. Субъективная оценка собственного материального положения как плохого и очень плохого имела место у 23,3% респондентов. В категорию крайне бедных (денег не хватает даже на продукты) и бедных (денег не хватает на одежду) зачислили себя 41,4% респондентов (крайне бедных — 9,7%) [Население России 2016, с. 40].

Надо заметить, что последняя цифра меньше, чем официальный процент жителей с доходами ниже прожиточного минимума⁹. Очевидно, что люди, получающие не больше 9701 руб. в месяц, должны относиться к категории крайне бедных. Разрыв между официальной статистикой и полученными в результате опроса данными легко объяснить теневой эконо-

⁹ В 2015 г. он равнялся 13,3% и величина прожиточного минимума составляла 9701 руб. [Уровень жизни 2016].

микой: многие из тех, кого государственная статистика записала в получатели доходов ниже прожиточного минимума, на самом деле имеют теневые доходы и в результате при самостоятельном ответе на соответствующий вопрос «не записывают» себя в категорию крайне бедных.

ИСАП в апрельском (2016 г.) мониторинге социально-экономического положения и самочувствия населения публикует результаты проведенного им опроса (март 2016 г.) относительно сбережений. Сбережения имеют лишь 24% опрошенных домохозяйств. Из них треть домохозяйств указали на уменьшение своих сбережений за последний год. Среди домохозяйств с детьми сокращение сбережений отметили 37% домохозяйств, а среди домохозяйств с безработными — 50% домохозяйств [ИСАП 2016б]. Согласно другому источнику, если три года назад было выявлено рекордное число россиян с денежными запасами (72%), то в 2016 г. на вопрос о наличии сбережений утвердительно ответили только 27% респондентов и еще 12% опрошенных признались, что сбережения были до недавнего времени, но потрачены в последние месяцы. Иными словами, сбережений не было и нет у 61% россиян, чего не наблюдалось уже более десяти лет [Ромир 2016а].

Постепенно нарастает напряженность и на рынке труда. Если в феврале и мае 2015 г. о потере работы сообщали 8,8% и 9,3% респондентов соответственно, то аналогичные цифры для февраля и мая 2016 г. были 16,2% и 15,2%. Эти ответы не исключают последующего трудоустройства хотя бы части респондентов, но тем не менее почти двукратный рост теряющих работу говорит о серьезных сдвигах к худшему. Уверенность же граждан в сохранении рабочих мест снизилась еще более заметно: с приблизительно 64% в первой половине 2015 г. до 49% в мае 2016 г. Переход к неполной занятости отмечают 8% респондентов, к неформальной — 11%. Появилось и оказалось довольно широко представленным такое, казалось бы, забытое с 1990-х гг. явление, как задержки зарплаты: они наблюдаются у 20% респондентов [ИСАП 2016а].

Общее представление об ухудшающемся положении на рынке труда можно получить из табл. 4. Она показывает, что в мае 2016 г. ситуация приблизилась к ситуации кризиса 2008–2009 гг. И хотя до апреля 2009 г. она недотягивает, но направленность изменений наметилась явно неблагоприятная.

Подводя некоторые итоги рассмотрения процесса утраты достигнутого за годы нефтегазовой эйфории благосостояния, нельзя сказать, что он принял катастрофический размах. Пока еще уровень жизни не скатился в 1990-е гг., хотя, как было показано, ряд его показателей свидетельствуют

об очевидном откате назад по сравнению с достигнутым в 2013 г. пиком. Причем его дальнейшее снижение на протяжении года-двух предвещают даже самые осторожные прогнозисты.

Таблица 4. Распределение ответов на вопрос: «Есть ли среди Ваших родственников и близких знакомых люди, которые потеряли работу в течение последних 2–3 месяцев?» (в % от опрошенных)

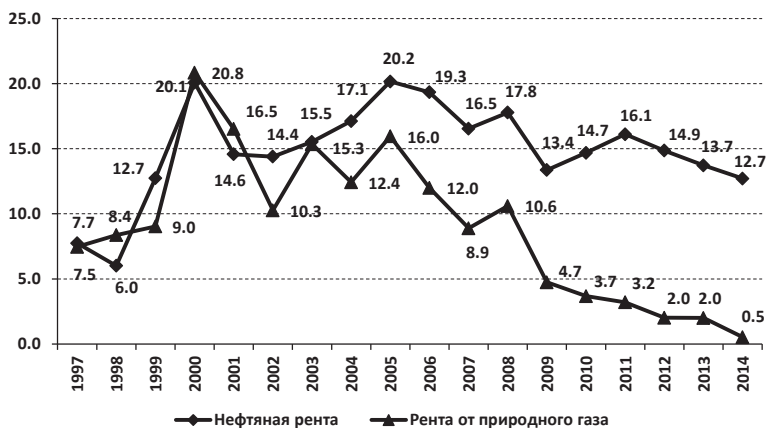
	Декабрь 2008	Апрель 2009	Декабрь 2009	Декабрь 2013	Декабрь 2014	Май 2016
Да, и их много	12	26	16	8	7	16
Да, 2–3 человека	34	38	38	29	23	30
Нет	48	32	42	60	65	48
Затрудняюсь ответить	6	4	4	3	5	6

Источник: [НАФИ 2016а].

Положение серьезно осложняется тремя обстоятельствами. Во-первых, фундамент, на котором зиждилось благосостояние российского населения с начала XXI в., начинает рассыпаться. Это наиболее убедительно показывает сокращение доли нефтяной и газовой рент в ВВП (рис. 3)¹⁰. Так что налаженные каналы их перераспределения в пользу прочих сфер экономики пересыхают. Российское государство будет испытывать все больше проблем с нахождением компромисса между «пушками и маслом». Выбранный Кремлем новый геополитический статус России требует наращивания расходов в таких областях, которые не вносят вклад в жизнеобеспечение масс, а, напротив, делают его все менее надежным. Общественный договор между массами и властной элитой по типу: «Мы вам — сытость, вы нам — неограниченные полномочия», в первой своей части становится все менее реализуем. Об этом достаточно убедительно свидетельствуют разорительные последствия для бюджетов регионов РФ выполнения так называемых майских указов президента (2012 г.) в части обещанного повышения зарплат работникам бюджетной сферы¹¹.

¹⁰ Рента рассчитывается как разница между мировой ценой сырой нефти или природного газа и общими издержками их производства.

¹¹ Рейтинговое агентство Standard & Poor's подсчитало, что если правительство продолжит курс на реализацию майских указов в зарплатной части, то дефицит региональных бюджетов, на которые лег-ла основная нагрузка по финансированию повышения зарплат, в 2018 г. превысит законодательно установленные 15% от доходов. В этом случае прямой долг бюджетов субъектов Российской Федерации может достигнуть 60% их доходов [Булин 2016].

Источник: [World Development Indicators 2016].

Рис. 3. Доля нефтяной и газовой ренты в ВВП России (1997–2014 гг., %)

Во-вторых, как отмечают эксперты, современная экономика России существенно отличается от экономики 1990-х гг. Тогда в самых тяжелых условиях население находило выход в свободном предпринимательстве. По словам Е. Гонтмахера, «в позапрошлом десятилетии между государством и населением сложился неформальный контракт: государство проводит нужные и болезненные реформы, но дает населению возможности выкручиваться, как может» [Неяскин 2016]. В нынешней огосударственной и зарегулированной экономике такое невозможно¹². Образно говоря, народ загнали в стойло, в котором заканчивается корм. А выпустить его из стойла на «вольные хлеба» боязно: с одной стороны, не для того властная вертикаль много лет брала все независимые источники дохода под контроль, чтобы затем разом его утратить, с другой стороны, непредсказуема реакция масс, приученных к искусственному кормлению за счет бюджета и разного рода избыточных рабочих мест в квазичастном секторе. Не факт, что испытание свободой придется им по вкусу¹³.

¹² По данным Федеральной антимонопольной службы, вклад государства и государственных компаний в ВВП удвоился: в 2005 г. он составлял 35%, в 2015 г. — 70%. Количество муниципальных и унитарных предприятий за три года утроилось [Мереминская 2016].

¹³ Согласно опросам «Левада-Центра», россияне постоянно склонны считать, что большинство людей в России не смогут прожить без опеки государства. Доля разделяющих эту точку зрения редко опускается ниже 70%, а доля тех, кто разделяет противоположное убеждение, редко превышает 20% [Общественное мнение 2016, с. 66].

В-третьих, в отличие от тех же 1990-х гг. Россия не может рассчитывать на поддержку ведущих экономик мира. Напротив, ее конфронтация с ними, выразившаяся в их санкциях в ответ на территориальные приобретения, ставит ее в частичную международную изоляцию. Как бы ни решился вопрос с санкциями в ближней перспективе, до восстановления прежних отношений будет очень далеко даже при самом благоприятном исходе.

Однако на рядового жителя главное негативное воздействие оказывают не столько санкции извне, сколько санкции изнутри (ответные санкции), названные контрсанкциями. В то же время их восприятие массами оказалось парадоксальным с точки зрения потребительской логики. Этот парадокс заслуживает специального рассмотрения.

2. «Мы за ценой не постоим...»

В микроэкономической теории потребления экономисты пользуются специальными инструментами, названными кривыми безразличия. Традиционно они показывают одинаковый уровень полезности комбинаций двух альтернативных благ. В условиях ограниченных ресурсов человек, выбирая для себя, например, какое-то дополнительное количество блага X , обязательно вынужден жертвовать каким-то количеством товара Y . Соотношение выигрыша в виде прироста потребления блага X (ΔX) и потери в виде сокращения потребления блага Y (ΔY) называется предельной нормой замещения (*MRS — marginal rate of substitution*). На месте двух товаров (скажем, яблок и апельсинов) могут оказаться и иные блага. На рынке труда человек делает выбор между приростом дохода и сокращением свободного времени, а на рынке капитала — между сегодняшним и будущим потреблением (кладя деньги в банк, он отказывается от части текущего потребления ради будущих выгод). Однако тот же подход можно применять и к выбору между любыми другими альтернативами.

Человек живет не только материальными ценностями. Для него важны и ценности, приносящие ему ощущения собственной значимости в обществе людей. Например, тот же экономист может бесплатно излагать свои взгляды на страницах известной газеты или выступать на телевидении, принося в жертву если не свой доход, то свободное время. Он обменивает его на известность широким массам в качестве эксперта, которая, надо полагать, приносит ему удовлетворение (прирост полезности). В противном случае он не жертвовал бы отдыхом или платными консуль-

тациями коммерческим фирмам. Абсолютному большинству людей такой способ удовлетворять собственное тщеславие недоступен, но потребность в этом имеется. Иногда ради этого удовлетворения человек готов даже на шаги, угрожающие его здоровью и самой жизни. Об этом говорит масса нелепых акций, занесенных в книгу рекордов Гиннеса.

В то же время удовлетворение собственного тщеславия возможно не только через индивидуальные действия. Оно обеспечивается и сопричастностью к каким-то внешним событиям. Типичным примером является переживание за любимую спортивную команду (болевание). Или радость от победы на выборах политической партии или кандидата, которым отдается предпочтение. Причем ведь далеко не всегда эта радость связана с ожидаемыми материальными выгодами. Об этом говорит теория экспрессивного голосования или, иначе, голосования как самовыражения [Sobel, Wagner 2004]. Без него на выборы приходил бы очень небольшой процент избирателей.

Примерно такую же природу имеет получение удовольствия от достижений своей страны, ее величия. Причем в этом случае человек воспринимает себя не просто наблюдателем какого-то события, вносящего, по его мнению, вклад в это величие, но еще и участником играющей команды, пусть и очень скромным. Об этом говорит характерный образ мыслей или даже фигура речи: «Я и моя страна...» В истории человечества сплошь и рядом величие страны отождествлялось в сознании ее рядовых граждан с достигнутой мощью потенциала государственного насилия: передовыми вооружениями, способностью диктовать свои условия другим странам и принуждать их к уступкам, отчуждать чужие территории, а также успешно вести боевые действия, добиваясь поставленных целей. Назовем это благо державностью.

Державность, как и всякое иное благо, означает наличие альтернативных издержек в виде отвергнутых возможностей потратить редкие ресурсы не ради ее укрепления, а каким-то иным образом. Можно понизить требующиеся для наращивания вооруженных сил налоги, и тогда частный бизнес произведет дополнительные потребительские блага или даже изобретет и внедрит новые. А можно из уже собранных налогов большие суммы направить на нужды образования и здравоохранения или же прочие мирные цели. Если обозначить державность как *P* (от английского *power* — держава)¹⁴, а все прочие блага как некое единственное композитное благо

¹⁴ Латинская буква *P* может обозначать здесь одновременно и другой английский термин — *pride* (гордость).

Y , то выбор между «пушками и маслом» предстанет как некая кривая безразличия, которая обеспечивает один и тот же уровень полезности (U_0) при замене части одного из этих благ на часть другого (рис. 4).

По мере продвижения слева направо и сверху вниз по кривой безразличия обыватель готов приносить в жертву все меньше Y ($Y_2 < \Delta Y_1$) ради одного и того же прироста P ($\Delta P_1 = \Delta P_2$). Если отложить от крайней правой точки кривой U_0 отрезок, равный $\Delta P_1 = \Delta P_2$, то готовность потребителя на жертву ради державности будет почти равна 0. В российских СМИ дилемму «державность-потребление» окрестили борьбой между телевизором и холодильником, имея в виду огромную роль российских главных телеканалов в формировании «державного сознания».

В конфликтных ситуациях на международной арене жертвы могут принимать различные формы. В данном случае наибольший интерес вызывают так называемые российские контрсанкции, введенные как ответ на санкции Запада в ходе российско-украинского противостояния. Эти контрсанкции более правильно было бы назвать продовольственным эмбарго, так как они предполагают запрет импорта продовольствия из стран ЕС, США, Канады, Австралии, Норвегии. Введенные в августе 2014 г., они с тех пор только расширяются: через год под них попали Албания, Лихтенштейн, Исландия и Черногория, а с 2016 г. в этот же список вошла и Украина¹⁵. С декабря 2015 г. Россия запретила ввоз 17 видов продуктов из Турции, и этот перечень расширялся в 2016 г. В мае 2016 г. было намерение полностью запретить поставки овощей и фруктов из Турции, но оно не реализовалось [Надыкто 2016]¹⁶.

¹⁵ Подробная история контрсанкций изложена в докладе Института стратегического анализа ФБК. Там же отмечается беспрецедентный характер такой меры, как контрсанкции, в современной истории. Последний раз подобное имело место в 1935 г., когда Бенито Муссолини в ответ на санкции Лиги Наций по причине нападения Италии на Эфиопию (запрет поставки стратегических товаров стране-агрессору) ввел контрсанкции в виде запрета на импорт множества товаров [Николаев, Марченко, Точилкина 2016].

¹⁶ Летом 2016 г. санкции против Турции были неожиданно отменены Россией в силу изменившейся политической конъюнктуры. Проведенный анализ последствий этих санкций показал, что, во-первых, происходит замена стран, из которых импортируется продукция, но при этом значительно вырастают цены импортных поставок. Так, например, в 2015 г. Турция являлась основным поставщиком томатов в Россию и обеспечивала 57,7% их импорта. В I квартале 2016 г. поставки из Турции упали до нуля, зато поставки из Марокко составили 56,6% российского импорта томатов (против 17,3% в 2015 г. и из Азербайджана 7,4% (против 1,0% в 2015 г.). При этом турецкие томаты поставлялись по цене 98 центов за тонну, тогда как Азербайджанские —

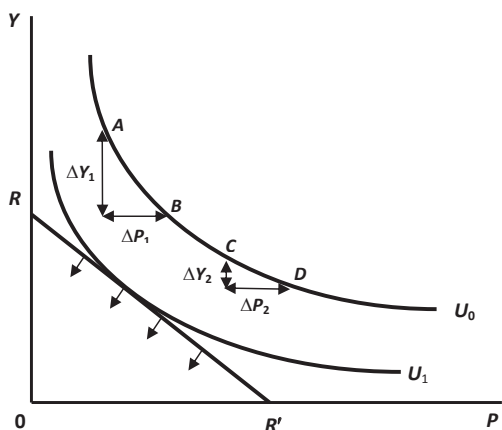

Рис. 4. Между державностью и потреблением

В упомянутом докладе ФБК суммированы итоги политики контрсанкций за полтора года (август 2014 г. — январь 2016 г.). На сельскохозяйственное производство они не оказали существенного влияния. Если сравнить 2015 г., на всем протяжении которого действовали контрсанкции, с 2014 г., когда они были только введены, то рост сельхозпроизводства не ускорился, а, наоборот, замедлился (с 3,5% до 3,0%). Имело место и снижение темпов роста пищевой промышленности с 2,5% до 2,0%. Бесплодность санкций еще более заметной становится при сравнении увеличения сельскохозяйственного производства в 2015 г. и его средних темпов

по \$1,24, а марокканские — по \$1,44. Во-вторых, имеются подозрения в том, что ряд государств активно занимаются реэкспортом продовольствия в Россию из стран, попавших под российское эмбарго. Тот же Азербайджан увеличил долю в российском импорте томатов в 7,4 раза за один только квартал. При этом в натуральном выражении закупки томатов Азербайджаном у Турции в I квартале 2016 г. превысили показатель I квартала 2015 г. в 49 раз(!). У Сирии аналогичное превышение составило 37 раз, у Белоруссии — 11 раз, у Казахстана — 9 раз и у Грузии — 6 раз. Это явление наблюдалось не только в отношении Турции, но с самого начала российского продовольственного эмбарго. Белоруссия — не родина баклажанов, тем не менее она с 2013 по 2015 г. нарастила их экспорт в Россию более чем в 4 раза. Исследователи отмечают, что объем их поставок из ЕС в Белоруссию точно соответствует их экспорту из нее в Россию, тогда как их внутреннее производство и потребление за это время практически не изменилось. Возвращаясь же к ситуации с Турцией, следует заметить, что в I квартале 2016 г. ее доля в российском импорте баклажанов сократилась на 7,1 п.п. по сравнению с 2015 г., тогда как доля Белоруссии тут же выросла на 6,7 п.п. [Шагайда 2016].

роста за 2000–2014 гг. Последние составили 4,6% [Николаев, Марченко, Точилкина 2016].

В том же докладе показан опережающий рост цен на попавшую под контрсанкции продукцию (табл. 5). Суммарная стоимость среднестатистического потребления мяса и птицы, рыбы и морепродуктов, молока и молочной продукции, плодоовощной продукции (объем потребления зафиксирован на уровне среднего ежемесячного объема потребления данных продуктов жителем России в 2013 г.) за период август 2014 г. — январь 2016 г. населением России превосходит аналогичный показатель, рассчитанный на основе средних темпов роста цен на данные продуктовые группы в 2009–2013 гг. на 809,6 млрд руб. В силу обвала импорта неверно приписывать это исключительно резкому обесценению рубля. По экспертной оценке Института стратегического анализа ФБК, вклад контрсанкций и падения рубля в то, что населению пришлось заплатить колоссальную цену за ускорившуюся инфляцию, можно разделить в пропорции 50:50. Таким образом, на долю контрсанкций за август 2014 г. — январь 2016 г. приходится примерно 400 млрд руб. потерь. Авторы доклада для наглядности сопоставляют эту цифру с годовыми расходами консолидированного бюджета РФ на высшее и послевузовское образование (2014 г. — 519,7 млрд руб.) [Там же].

Таблица 5. Цепной ИПЦ по контрсанкционным группам продовольствия за июль 2014 г. — январь 2016 г., текущий и расчетный, %

Наименования группы продуктов питания	Цепной ИПЦ, рассчитанный на основе	
	текущих темпов роста цен в июле 2014 г. — январе 2016 г.	средних темпов роста цен по аналогичным месяцам в 2009–2013 гг.
Мясо и птица	113	108
Рыба и морепродукты	136	110
Молоко и молочная продукция	118	116
Флодоовощная продукция	139	98

Источник: [Николаев, Марченко, Точилкина 2016].

Анонимный представитель Минэкономразвития РФ заявил информационной компании РБК по поводу двухлетней годовщины контрсанкций буквально следующее: «Введение продовольственных контрсанкций по ограничению импорта в августе 2014 г. стало весомым фактором высокого роста цен на продукты в конце 2014 г. — начале 2015 г. в результате обра-

зовавшихся дисбалансов и снижения конкуренции. За два года цены на продовольственные товары выросли на 31,6%» [Цены на продукты 2016].

Контрсанкции негативно сказались и на качестве продукции. В июне 2016 г. Россельхознадзор вывесил на своем сайте целое научное исследование о применяемых способах фальсификации молочной продукции [О способах 2016]. Глава ведомства заявил, что доля фальсифицированной молочной продукции (с использованием растительных жиров) в России в 2015 г. составила 11%, в некоторых случаях доля фальсификата в молочной продукции достигла 50%. В октябре 2015 г. Россельхознадзор объявил, что 78,3% сыра, продаваемого в России, является продукцией, фальсифицированной жирами растительного происхождения [Глава 2016]. Подтверждается эта ситуация и представителями бизнеса. А. Мартыненко — руководитель крупнейшего российского производителя моцареллы, компании «Умалат», — утверждает, что 30–40% свежих сыров содержат пальмовое масло. Использование растительных жиров позволяет снизить себестоимость примерно на 30% [Краузова 2015]. В целом же эксперты уверены, что качество продовольственной продукции может падать и далее, если у производителя есть необходимость снижать себестоимость. Причем касается это не только молока и молочной продукции [Поддубный 2016].

Российские потребители в целом не отмечают ухудшения качества «санкционной» продукции, что можно объяснить их традиционной невосприимчивостью к качеству питания, огромной территорией страны (многие жители провинции и раньше не так часто покупали импортное продовольствие по разным причинам), а также воздействием на массы ежедневной патриотической пропаганды, запугивающей потребителей вредными последствиями от употребления продуктов «оттуда» (миф о вредности ГМО и пр.) и превозносящей отечественные продукты как самые экологически чистые, лишенные «химии» и т. п. Согласно опросу Ромир, в декабре 2015 г. лишь в отношении двух категорий продуктов численность ответов респондентов, отметивших ухудшение качества, явно преобладала над ответами, утверждавшими его улучшение. Это касалось рыбы и рыбопродуктов и сыров (19% против 12% и 33% против 13% соответственно). При этом соответственно 51% и 42% говорили, что качество не изменилось. Что же, касается, например, мяса, то здесь 20% отмечали улучшение качества против 8% придерживающихся противоположной точки зрения [Ромир 2016в].

Однако в том же исследовании Ромир отмечал, что наиболее критически к изменению качества «санкционной» продукции относятся жители

Северо-Запада, которые даже в советские времена имели доступ к финским продуктам [Там же]. Возможно, именно благодаря имеющейся ныне постоянной базе для сравнения в Санкт-Петербурге был открыт такой феномен, как «горящий творог»: купленный корреспондентом интернет-издания *Fontanka.ru* творог загорелся в результате поджигания (в других местностях просто не пришлось бы в голову подвергнуть продукт такому эксперименту). Содержание немолочного жира (растительных стеринов) составило 100%. В продолжение журналистского расследования была закуплена продукция в шести различных точках города. По нормам в натуральном твороге доля молочного жира должна быть 100%, в творожном продукте — 50%. Ни в одном из шести образцов она не превышала 5% [Галеева 2016].

Стремление к фальсификации, как уже было отмечено выше, есть результат необходимости снизить себестоимость продукции, чтобы подстроиться под сократившуюся покупательную способность россиян. Однако многое здесь диктуется все теми же обстоятельствами: курсом рубля и контрсанкциями. Первый привел к удорожанию импортных компонентов, которые продолжают использоваться при производстве продукции. Растет стоимость импортных кормов — растет цена молока — растет себестоимость сыра. Но есть в росте себестоимости продовольствия и прямой результат контрсанкций, которые лишили рынок конкуренции и позволяют отечественным поставщикам завышать цены. Выросла и стоимость доставки импортной продукции от альтернативных поставщиков. Вдобавок и качество их продукции уступает тому, что было у традиционных поставщиков¹⁷. Короче говоря, провалившийся курс национальной валюты и контрсанкции действуют в одном направлении, но если первый есть следствие не зависящей ни от кого конкретной конъюнктуры мирового рынка углеводородов, то последние не имеют экономического обоснования.

Естественно, не находит экономического оправдания и уничтожение проникающего в РФ санкционного продовольствия. Оно представляет собой «процесс потребления с отрицательной эффективностью ввиду отсутствия полезности от потребления, наличия административных издержек на уничтожение и упущенных выгод» [Николаев, Марченко, Точил-

¹⁷ Сошлемся опять на экспертное мнение А. Мартыненко. Он отмечает, что многие из сыров на полках в магазинах сейчас — из Аргентины, Уругвая, Швейцарии, Сербии. «Но по моему ощущению,— говорит он, — эти сыры не прижились в России. Уругвайский сыр, например, просто не пришелся по вкусу нашему потребителю» [Краузова 2015].

кина 2016]. С. Гурьев связывает это уничтожение с действиями аграрного лобби. В статье в газете «Вашингтон пост» под названием «Российская кампания по сжиганию еды — иррациональная демонстрация контроля» он пишет: «Сжигание еды также демонстрирует, что главной целью эмбарго был не ответ на западные санкции. Если бы целью было наказание европейских фермеров, то правительство конфисковало бы импорт и передало его бедным — это бы затронуло европейских экспортеров в той же мере, что и сжигание. Сжигание продовольствия приносит выгоду только российскому аграрному лобби. Оно сокращает предложение еды в России, поднимает внутренние цены и прибыли отечественных производителей. В этом смысле сжигание — это не геополитика; это знакомый старый протекционизм» [Guriev 2015].

Однако далеко не только лоббизм отдельных, пусть и достаточно значимых игроков на российской политической сцене породил контрсанкции. Представляется, что видение политико-экономической природы контрсанкций как следствия взгляда российского руководства на мир как игру с нулевой суммой имеет все основания адекватно описывать многие его решения [Appel, Gel'man 2015]. Если и далее обращаться к терминологии из теории игр, то здесь скорее имеет место стремление набрать репутацию «крутого парня» из игры в цыпленка (*chicken game*), который никогда не уступит. Если противная сторона всерьез поверит в «крутизну», то это облегчит любой дальнейший торг с ней. В том, что такая стратегия действенна на данном этапе, свидетельствует нерешительная позиция ряда стран-членов ЕС в отношении продления санкций.

Если же обратиться вовнутрь страны, то импортозапретительная линия поведения Кремля действительно не встречает сопротивления [Ibid.]. И даже более того. Она пользуется широкой поддержкой масс, которые вопреки всем, казалось бы, очевидным консьюмеристским настроениям пока готовы нести жертвы ради геополитических амбиций страны. Если прибегнуть снова к рис. 4, то они еще далеки от точки C , где дальнейшее смещение вправо по кривой U_0 не вызывает готовности отдавать сколь угодно значительное количество потребительских благ в обмен на державность.

Державность, конечно, трудно измерить. Единиц измерения ее еще никто не придумал. Однако и полезность самых обычных благ (того же сыра или творога) не имеет единиц измерения. Экономисты давно отказались от попыток выражать их полезность в абсолютных единицах (так называемых ютилях) и принимают ординалистскую (порядковую) концепцию полезности, где важны лишь относительные предпочтения. Товар

X предпочтительнее товара Y, а тот, в свою очередь, товара Z. И не более того. Некое подобие такой шкалы предпочтений в отношении державности дают социологические опросы.

Обратимся к опросу, демонстрирующему, с чем в сознании россиян ассоциируется понятие «великая держава» (табл. 6). Как хорошо видно, силовая составляющая (то, что ранее определили как державность) значительно улучшила свои позиции по сравнению с 1999 г., когда она даже чуть-чуть уступала культуре, науке и искусству (сегодня трудно такое и представить). Военная мощь и наличие ракетно-ядерного оружия уверенно входят в лидирующую тройку, все ближе подтягиваясь к экономическому и промышленному потенциалу страны.

Таблица 6. Что, по Вашему мнению, входит в понятие «великая держава»?*

	Март 1999	Июль 2008	Сент. 2012	Нояб. 2014	Нояб. 2015
Высокое благосостояние граждан	63	66	61	60	64
Экономический и промышленный потенциал страны	64	57	55	60	58
Военная мощь, наличие ракетно-ядерного оружия	30	37	44	44	51
Великая культура, наука и искусство	31	31	27	23	25

* Несколько вариантов ответа.

Источник: [Левада-Центр 2015а].

Такой же сдвиг в направлении милитаризации массового сознания отмечает и Ромир в своем проекте «Россия. 10 лет спустя». В 2003 г. лишь 1% россиян гордился достижениями в военной технике и оружии, а в 2015 г. таковых было уже 19% [Ромир 2015а]. Резко возросла по сравнению с началом века и гордость россиян за вооруженные силы в целом. В июле 2003 г. ими очень гордились 13% опрошенных, в какой-то мере — 27%, не очень гордились — 29% и совсем не гордились — 22%. В ноябре 2015 г. эти же цифры выглядели таким образом: 40%, 45%, 8%, 3% [Левада-Центр 2015б]. Если вспомнить, в каких событиях успели активно поучаствовать вооруженные силы России за этот исторический отрезок, то станет ясно, что данная перемена свидетельствует в пользу предпочтений державности.

Не менее, если не более, значимым тестом российского населения на державность может служить восприятие крымских событий. Тот же

«Левада-Центр» предлагал респондентам в марте 2016 г. ответить на следующий вопрос: «О чем, по Вашему мнению, прежде всего свидетельствует присоединение Крыма к России?» И предлагал два варианта ответов. Первый звучал так: «О том, что Россия возвращается к своей традиционной роли “великой державы”, утверждает свои интересы в постсоветском пространстве». Его поддержали 79% опрошенных. Второй вариант ответа содержал следующую формулировку: «О растущем авантюризме российской власти, стремящейся отвлечь население от реальных социальных и экономических проблем, коррупции, недовольстве властями в самой России». В его пользу высказались 9% [Левада-Центр 2016а].

Приведенные результаты социологических опросов показывают явную направленность общественного сознания на поддержку державности. Однако они еще не говорят о том, насколько сильна готовность жертвовать ради нее своим благополучием. Разумеется, никакой опрос не даст нам возможности построить кривую безразличия между державностью и потреблением, подобную той, что мы видим на рис. 4. Предельные нормы замещения на их основе не выявишь. Тем не менее некоторое приблизительное представление о чем-то подобном они могут дать.

В том же опросе «Левада-Центра» приводились и результаты ответов на вопрос о готовности взять на себя бремя расходов по присоединению Крыма. Он сопровождался следующей преамбулой: «Присоединение Крыма требует от России очень значительных вложений и инвестиций, бремя которых ложится и на обычных граждан страны в виде ограничения роста зарплат и пенсий, сокращения расходов на образование и здравоохранение, роста цен и т.п.». И далее следовал вопрос: «В какой мере Вы лично готовы платить такую цену за присоединение Крыма?» [Там же].

Таблица 7. Готовность платить за Крым

	Март 2014	Март 2015	Март 2016
В полной мере	7	5	4
В значительной мере	19	11	10
В какой-то мере	33	34	32
Совершенно не готов	19	32	30
Не считаю, что это бремя ляжет на обычных граждан	17	12	19
Загруднились ответить	6	7	6

Источник: [Левада-Центр 2016а].

Данные табл. 7 говорят о том, что готовность платить убывает со временем (сказывается, конечно, ухудшение материального положения, о котором речь шла в предыдущем разделе), но все-таки еще остается довольно высокой. В марте 2016 г. в той или иной мере были готовы платить 46% опрошенных, а совершенно не готовы — 30%. При этом за последний год доля первых снизилась незначительно (на 4 п.п.). Кроме того, довольно большой процент граждан не связывает расходы на Крым с собственным благосостоянием.

Более решительно граждане России настроены в пользу державности в своем отношении к санкциям. Разумеется, наибольший интерес представляет отношение к контрсанкциям. Абсолютно очевидно, что именно они вносят свой вклад в рост цен и снижение потребления. Однако население отводит в этом вопросе решающую роль западным санкциям. На санкции Запада вину возлагают 27% опрошенных, а на контрсанкции — только 14%. Можно было бы, конечно, допустить, что население смешивает санкции и контрсанкции, но при опросе давалась расшифровка последних: говорилось об ответных санкциях, включающих запрет на импорт продовольствия и других товаров из стран Запада [Левада-Центр 2016б].

В то же время факт ошибочного видения западных санкций в качестве более серьезной причины роста цен и снижения уровня потребления позволяет оценить как достаточно высокую склонность к жертвенности. Это следует из данных табл. 8, на основании которых видно, что она как минимум не убывает. Доля желающих упорствовать в державной политике не падает, а доля желающих искать компромисс не снижается.

Таблица 8. Как, по Вашему мнению, должна действовать Россия в ответ на санкции стран Запада?

	Сент. 2014	Янв. 2015	Июнь 2015	Нояб. 2015	Май 2016	Август 2016
Продолжать прежнюю политику, несмотря на санкции	68	69	70	65	75	70
Искать компромисс, делать уступки с тем, чтобы избежать санкций	22	21	20	26	17	21
Трудно сказать	10	11	10	9	8	9

Источник: [Левада-Центр 2016г].

Ромир исследовал последствия и оценку населением запретов на поставки продовольствия из ЕС, США и некоторых других стран по про-

шествии года с момента их введения российским правительством. Основные заключения были следующими: а) если в сентябре 2014 г. 21% российских граждан замечал последствия этих самовведенных санкций, то год спустя их число выросло до 43%; б) 39% упомянули ухудшение качества продовольствия¹⁸; в) тем не менее продление этих запретов одобрили 71% опрошенных и только 21% были против; г) 39% заявили, что они полностью поддерживают продление, поскольку видят в этом «адекватный ответ Западу», и 32% объяснили такую позицию тем, что санкции предоставляют шанс для развития отечественного производства [Ромир 2015б].

По истечении первого года действия контрсанкций примерно такие же результаты были получены и «Левада-Центром» (табл. 9). Респондентам был поставлен вопрос: «Как Вы в целом относитесь к административному запрету российским руководством импорта продовольственных и сельскохозяйственных товаров из ЕС и США в ответ на санкции, введенные ими против России?» Здесь особо стоит отметить, что положительное отношение к запрету оставалось на высоком уровне в течение всего года и никогда не опускалось ниже 64% (сумма ответов «определенно положительно» и «в основном положительно»).

**Таблица 9. Отношение к контрсанкциям
(эмбарго на импорт продовольствия)**

	Август 2014	Октябрь 2014	Март 2015	Июнь 2015	Август 2015
Определенно положительно	36	29	19	30	25
В основном положительно	42	44	45	38	42
В основном отрицательно	8	13	21	17	17
Определенно отрицательно	5	2	4	7	4
Загрудняюсь ответить	9	12	9	9	12

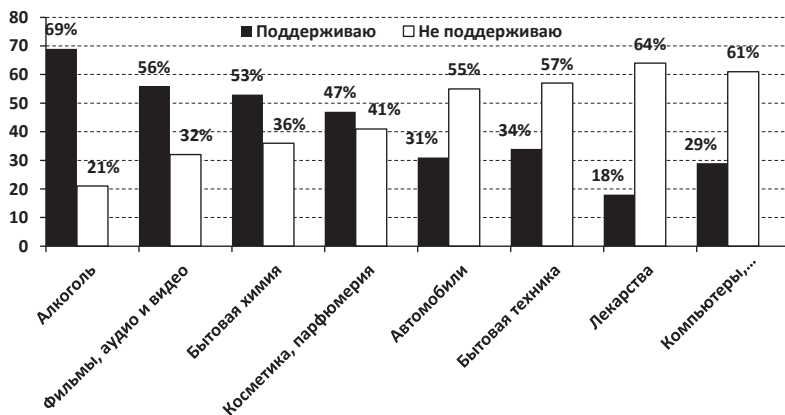
Источник: [Левада-Центр 2015в].

Во вторую годовщину санкций 58% опрошенных были согласны с мнением: «Политика запретов на импорт продуктов питания из Европы и США эффективна и уже дает положительные политические результаты, Россию стали больше уважать в мире и учитывать ее интересы». Столько

¹⁸ Это, кстати, противоречит приведенным выше результатам исследования той же организации.

же, сколько и год назад. При этом мнение «политика запретов на импорт продуктов питания из Европы и США бессмысленна, абсурдна и вредна, от нее страдает в первую очередь население нашей страны» поддержали лишь 23% (год назад — 24%) [Левада-Центр 2016г]. Солидарность с первым мнением означает, что имеет место высокая готовность нести потери ради престижа державы. Геополитические амбиции берут верх, несмотря на то что благодаря им потребительская корзина оскудевает и становится дороже («патриоты бедности не боятся»).

И, наконец, настоящим триумфом державности выглядит отношение к гипотетическому введению дополнительных санкций на импорт. На рис. 5 представлено распределение ответов на вопрос о том, поддержал бы или не поддержал отвечающий распространение запрета со стороны России на импорт товарных групп, которые не попали под него в 2014 г. Видно, что достаточно много людей инициативно поддержало бы расширение импортных ограничений, которые называют контрсанкциями или ответными санкциями, но правильнее было бы называть самосанкциями. Данные на рисунке относятся к августу 2015-го. Год назад низовая поддержка импортных ограничений была еще выше (только ограничения на импорт лекарств не одобрялись).

Источник: [Левада-центр 2015г].

Рис. 5. Поддержали бы Вы запрет на импорт таких товаров, как...

По мере роста цен и снижения покупательной способности население постепенно ослабляет поддержку державности, когда за нее приходится платить из своего семейного бюджета. Меняется настроение и в отноше-

нии запрета на импорт. Последний опрос на эту тему относится по времени к маю 2016 г. Менее года назад, в августе 2015 г., к идее снять запрет на поставки продуктов питания из стран Евросоюза целиком положительно относились 11%, скорее положительно — 27%. В мае 2016 г. число первых почти не увеличилось (12%), зато вторая группа составила 35% опрошенных. Доля тех, кто относится к этой идее скорее отрицательно, уменьшилась за указанный период с 33% до 29%, а тех, кто выражает к ней резко отрицательное отношение, даже увеличилась с 10 до 11%. И наиболее всего изменился процент тех, кто затруднился ответить на вопрос, — с 20% до 13% [Левада-Центр 2016в].

Тем не менее можно констатировать, что даже при таком раскладе доля изоляционистов (40%) остается значительной. Подчеркнем, что речь идет даже не о введении импортных квот или повышении импортных пошлин, а о полном запрете импорта. Причем запрете, который страна накладывает сама на себя вопреки экономической целесообразности. Эта экономическая епитимья существенно усиливает негативное воздействие на экономику введенных Западом санкций и более всего сказывается на рядовых российских потребителях. Что же касается «мести» Евросоюзу, то она на самом деле вопреки мнению многих россиян¹⁹ так и не состоялась²⁰. Выигрывает же от контрсанкций аграрное лобби в силу очищения рынков от конкурентов и открывающихся возможностей повышения цен и прибыльности²¹.

Подводя итоги, вернемся к рис. 4. На нем, как было сказано, в характерной для экономистов манере изображен выбор между двумя альтернативами: потреблением и державностью. Россия после многих лет нефте-

¹⁹ В августе 2016 г. 33% респондентов считали, что ответные санкции России наносят в большей мере ущерб Западу, 15% полагали, что они наносят ущерб в большей мере самой России, и большинство (42%) заявляли, что они наносят ущерб в равной степени обеим сторонам [Левада-Центр 2016г].

²⁰ Потери мяса и мясoproдуктов из стран ЕС в Россию в 2015 г. составили 1594 тыс. т, но в то же время их экспорт в другие страны в том же году вырос на 2190 тыс. т, по молоку и молочным продуктам соответствующие цифры составляют 1251 и 116 тыс. т (единственная статья продовольственного экспорта, по которой не удалось пока компенсировать российское эмбарго наращиванием экспорта в другие страны), по овощам 700 и 1490 тыс. т, по фруктам 1162 и 4305 тыс. т [Узун, Логинова 2016].

²¹ Не случайно министр сельского хозяйства РФ А. Ткачев (бывший губернатор самого аграрного региона России — Краснодарского края) заявил: «Если бы не было санкций, надо было бы их придумать» [Глава Минсельхоза 2016].

газового рая оказалась, условно говоря, в точке A . И первые шаги по направлению к реализации разбухшей потребности в державности не вызвали слишком больших жертв, хотя и делались в условиях внешнеэкономического шока от падения цен на нефть. По идее, дальнейшее сохранение того же уровня удовлетворенности по мере продвижения по кривой U_0 к точке C и далее потребует все больших геополитических свершений. Однако последние не даются без затрат. Не говоря уже о чисто политических препятствиях.

В настоящее время Россия начинает испытывать все более сильное давление ресурсных ограничений, которые не позволяют удерживать достигнутый ранее уровень полезности. Линия бюджетных ограничений (RR' на рис. 4) уже недотягивает до кривой безразличия U_0 и имеет тенденцию и дальше сдвигаться ближе к началу координат. В этой ситуации неизбежна потеря достигнутого ранее уровня полезности, или, используя экономические термины, переход на новую, более низко расположенную кривую безразличия (U_1), до которой можно дотянуться с меньшими ресурсами. Какой будет реакция на этот сдвиг населения России, не может предугадать никто. А вот то, что ресурсов становится меньше, видят все: экономисты, финансисты, управленцы, журналисты и даже порой высокопоставленные политики²².

Заключение

Жизнь в России после 2013 г. поменялась достаточно ощутимо (хотя и не настолько ощутимо, как после 1913 г.). Главной экономической проблемой стал произошедший в 2014 г. обвал мировых цен на углеводородное сырье. Для страны, сделавшей ставку на свое будущее в качестве энергетической империи, это был очень сильный удар. Он и остается таковым, поскольку мировые цены на нефть совсем не выказывают стремления вернуться на прежний уровень выше \$100 за баррель и пока в лучшем случае достигают половины этой цены. Потеря нефтегазового благополучия, несомненно, стала первопричиной довольно быстрой утра-

²² «Просто денег нет. Найдем деньги — сделаем индексацию. Но вы держитесь здесь» (председатель правительства Российской Федерации Д. А. Медведев крымским пенсионерам. 24.06.2016 г.).

ты многими россиянами ставшего привычным образа жизни и относительно высокой покупательной способности.

Однако экономика, взятая как таковая, рано или поздно стабилизировалась бы и вернулась к экономическому росту. Некоторые экономисты видят первые признаки такой стабилизации уже сейчас²³. Гораздо опаснее любых перемен на мировом рынке углеводородов российские перемены в политике. Курс на военное противостояние с Западом и самоизоляцию представляется самой серьезной угрозой благополучию российского населения в обозримой перспективе. Конфронтация и самоизоляция не просто выражаются в потерях в обеспеченности населения по причине резко возросших военных расходов и санкций. Они оставляют все меньше шансов на возврат к необходимым для эффективной рыночной экономики преобразованиям, порождая мощный тренд движения в противоположном направлении. И по мере следования этому тренду экономика приобретает черты мобилизационного хозяйства, размывая институциональные основы свободных рынков.

Все высказывавшиеся ранее соображения о «ресурсном проклятии», мешающем рыночным реформам, оказались лишь очередной новомодной теорией. Мечты о том, что когда цена на нефть упадет, то не останется ничего другого, как искать выход на путях модернизации и глобализации, оказались тщетными. Свобода, конечно, лучше, чем несвобода, но это совсем не означает, что выход из ситуации нефтяного кризиса обязательно лежит в русле продвижения к ней. Есть и альтернатива («особый путь»).

В настоящее время экономика России уже представляет собой почти на $\frac{3}{4}$ огосударственный комплекс, работающий преимущественно в режиме ручного управления. Эта система обладает собственной инерцией и задает главный вектор грядущих перемен. Она требует все больше ресурсов, которые в условиях недоступности прежних доходов от экспорта можно будет получить только за счет всевозможного сжатия потребления населением. Население же должно будет не только отдать тот «жир», который накопило в период процветания за счет нефтегазовой ренты, но и привыкнуть к новому, куда более аскетичному существованию.

По большому счету такой исход – в основе своей добровольный выбор российского массового сознания, обладающего прочно закрепленными в нем традиционными установками на реализацию державных интересов облаченных в одежды мессианских устремлений («мы несем правду миру»). Не телевизор кормит мысли масс, а наоборот. Из телевизора они

²³ См., например, [Яковлев 2016].

после 2013 г. лишь слышали то, что сами давно хотели услышать, но не надеялись, что такое когда-нибудь произойдет. Телевизор вдруг заговорил на их языке²⁴.

Поэтому трудно надеяться на то, что пустеющие холодильники радикально изменят ситуацию и произведут переворот в массовом сознании. Тем более что холодильники пустеют медленно, а российские геополитические устремления и противостояние Западу нарастают и реализуются гораздо быстрее. И если временами великодержавный настрой уступает реальности житейской прозы, то это лишь служит сигналом державным стейкхолдерам о необходимости усилить конфронтацию с внешним миром. На этом фоне и внутренние экономические протесты могут быть лишены общественной поддержки (какие, мол, протесты, когда враг у ворот!).

Рассуждая о перспективах дальнейшей жизни России после 2013 г., стоит избегать одной принципиальной ошибки, которая в наибольшей степени присуща экономистам. А именно, видеть в человеке, особенно в российском, человека экономического (знаменитого *homo oeconomicus*), которому, как правило, приписываются рациональные мотивы самого наблюдателя. На самом деле он одержим «великими идеями», которые до поры до времени пребывают в латентном состоянии, но находят выход наружу всякий раз, когда обстоятельства этому благоприятствуют. Имперская составляющая русского национального сознания и политической культуры часто берет верх над обывательскими мотивами. «Русский человек» (он же левадовский *homo soveticus*) ощущает себя призванным управлять «ближним миром», экспортируя укорененные в российском социуме базовые институты и прежде всего «власть-собственность». Поскольку же таковая отторгается некоторыми продвигающимися в направлении модернизации соседями, то за этим он видит не только «великую неблагодарность», но и экзистенциальный вызов собственным социальным порядкам. И в результате считает необходимой трату колоссальных ресурсов на то, что он рассматривает как защиту от этой угрозы (включая территориальную экспансию в так называемом ближнем зарубежье).

Исторические периоды, когда власть меняет вектор своей политики и ищет пути сотрудничества с Западом и, главное, трансформации собственного социума по его образцу, не случайно представляются как пре-

²⁴ «Во-первых, социологи знают, что сильная мысль или эмоция идет всегда изнутри социума, а во-вторых, телевизор говорит теперь по преимуществу то, что общество хочет от него услышать» [Левинсон, Борусяк 2015].

дательство коренных интересов России, ее подчинение глубоко чуждым ей ценностным установкам. И в народной памяти правителям-реформаторам отводится очень непочетное место. Продолжающаяся эпоха путинского правления означает возвращение «русского человека» во власть, реставрацию традиционных политико-экономических институтов после их частичного разрушения в «проклятые 90-е». «Вставание с колен» знаменует не только возврат неэффективных институтов, воплощающих слияние власти и собственности в неповоротливой глыбе «властесобственности», но и непрерывную борьбу с Западом за недопущение проникновения чуждых социальных порядков на подвластную территорию, что, в частности, и требует ее расширения в той или иной форме.

В результате плохо совместимые с ростом материальной обеспеченности населения внутренние институты сплетаются с еще менее отвечающими ему конфронтационными шагами во внешней политике. Однако для населяющего Россию массового человека, образно говоря, любовь к комфорту обладает высокой степенью заменимости ненавистью к Америке. Так что лишенному этого качества меньшинству не стоит надеяться на разворот российского государства в сторону озабоченности его повседневными нуждами. Остальные же, наверное, смогут еще долго держаться. На «духовных скрепах».

Литература

Булин Д. Майские указы Путина четыре года спустя: цена для экономики. 15.05.2016 (http://www.bbc.com/russian/business/2016/05/160516_putin_may_decrees; дата обращения: 03.10.2016).

ВЦИОМ. Потребительские настроения россиян: осторожный оптимизм. Пресс-выпуск № 3204. 20.09.2016 (<https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115877>; дата обращения: 03.10.2016).

Галеева В. «Горящий творожок»-2: Не до жиру. 28.06.2016 (<http://www.fon-tanka.ru/2016/06/28/180>; дата обращения: 05.10.2016).

Глава Минсельхоза заявил о пользе санкций против России. 05.10.2016 (<http://www.rbc.ru/rbcfreenews/57f5157d9a794764a884c7c2>; дата обращения: 05.10.2016).

Глава Россельхознадзора: доля фальсифицированных сыра и сметаны достигла 50%. 26.02.2016 (<http://www.newsru.com/finance/29feb2016/rudairyfake.html>; дата обращения: 05.10.2016).

Демидова А. Рост интернет-торговли в 2015 году был самым медленным за 5 лет // Ведомости. 22.01.2016 (<https://www.vedomosti.ru/business/articles/2016/01/22/625016-gost-internet-torgovli>; дата обращения: 02.10.2016).

Индексы цен и средние цены на первичном и вторичном рынках жилья. Росстат, 2016. (http://www.gks.ru/free_doc/new_site/prices/icprvr_data.htm; дата обращения: 02.10.2016).

ИСАП. Ежемесячный мониторинг социально-экономического положения и самочувствия населения. 2015 г. — май 2016 г. 2016а (июнь) (<http://www.ganepa.ru/images/docs/monitoring/ek-monitoring/monitoring-may-2016.pdf>; дата обращения: 03.10.2016).

ИСАП. Ежемесячный мониторинг социально-экономического положения и самочувствия населения. 2015 г. — апрель 2016 г. 2016б (май) (<http://www.ganepa.ru/images/docs/monitoring/ek-monitoring/monitoring-april-2016.pdf>; дата обращения: 03.10.2016).

ИСАП. Ежемесячный мониторинг социально-экономического положения и самочувствия населения. 2015 г. — август 2016 г. 2016в. (сентябрь) (<http://www.ganepa.ru/images/docs/monitoring/ek-monitoring/monitoring-avgust-2016.pdf>; дата обращения 03.10.2016).

Краузова Е. Алексей Мартыненко: «Переключиться на российский сыр — это как пересесть на “Жигули”». 25.06.2015 (<https://slon.ru/posts/53249>; дата обращения: 03.10.2016).

Левада-Центр. Представления о нынешней России и ожидания будущего. 30.11.2015а (<http://www.levada.ru/2015/11/30/predstavleniya-o-nyneshnej-rossii-i-ozhidaniya-ot-budushhego>; дата обращения: 04.10.2016).

Левада-Центр. Гордость, патриотизм и ответственность. 07.12.2015б (<http://www.levada.ru/2015/12/07/gordost-patriotizm-i-otvetstvennost>; дата обращения: 04.10.2016).

Левада-центр. Восприятие событий на востоке Украины и санкции. 31.08.2015в (<http://www.levada.ru/31-08-2015/vospriyatie-sobytii-na-vostoke-ukrainy-i-sanktsii>; дата обращения: 04.10.2016).

Левада-Центр. Ограничение импорта зарубежных товаров. 01.10.2015г (<http://www.levada.ru/old/01-10-2015/ogranichenie-importa-zarubezhnykh-tovarov>; дата обращения: 04.10.2016).

Левада-Центр. Крым два года спустя: внимание, оценки, санкции. 07.04.2016а (<http://www.levada.ru/2016/04/07/krym-dva-goda-spustya-vnimanie-otsenki-sanktsii>; дата обращения: 04.10.2016).

Левада-Центр. Мониторинг восприятия экономической ситуации в стране: декабрь 2015 — январь 2016. 12.02.2016б (<http://www.levada.ru/2016/02/12/monitoring-vospriyatiya-ekonomicheskoy-situatsii-v-strane-dekabr-2015-yanvar-2016>; дата обращения: 04.10.2016).

Левада-Центр. Санкции Запада и контрсанкции России. 08.06.2016в (<http://www.levada.ru/2016/06/08/sanktsii-zapada-i-kontrsanksii-rossii>; дата обращения: 04.10.2016).

Левада-Центр. Санкции Запада и продуктовое эмбарго России. 18.08.2016з (<http://www.levada.ru/2016/08/18/sanktsii-zapada-i-produktovoe-embargo-rossii>; дата обращения: 04.10.2016).

Левинсон А., Борусяк Л. «На не оценили»: что думают россияне о Западе через год после Крыма. 02.04.2015 (<http://www.rbc.ru/opinions/society/02/04/2015/551d20ad9a7947c4b31c7adc>; дата обращения: 03.10.2016).

Мереминская Е. Государство и госкомпании контролируют 70% российской экономики. 29.09.2016 (<http://www.vedomosti.ru/economics/articles/2016/09/29/658959-goskompanii-kontroliruyut-ekonomiki>; дата обращения: 04.10.2016).

Минфин заложил в бюджет-2019 доллар по 71 рублю. 30.09.2016 (<https://lenta.ru/news/2016/09/30/ratedollar>; дата обращения: 03.10.2016).

Мониторинг социально-экономического положения и социального самочувствия населения. Май 2016 / под ред. Л. Н. Овчаровой. М.: НИУ ВШЭ, 2016.

Назначенные пенсии по субъектам Российской Федерации. Росстат, 08.04.2016 (http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/urov_p1.htm; дата обращения: 02.10.2016).

Надыкто О. Россельхознадзор передумал запрещать все овощи и фрукты из Турции. 17.05.2016 (<http://www.rbc.ru/society/18/05/2016/573c7cbe9a7947567048a3a8>; дата обращения: 04.10.2016).

НАФИ. Безработица: опасения и ожидания россиян. 27.06.2016а (<http://nacfin.ru/bezrabotica-opaseniya-i-ozhidaniya-rossiyan>; дата обращения: 03.10.2016).

НАФИ. Материальное благосостояние россиян. 03.10.2016б (<http://nacfin.ru>; дата обращения: 03.10.2016).

Население России в 2016 году: доходы, расходы и социальное самочувствие. Мониторинг НИУ ВШЭ. Июль 2016 / под ред. Л. Н. Овчаровой. М.: НИУ ВШЭ, 2016.

Наш экономический прогноз. 2016 (март). Центр развития НИУ ВШЭ. (<https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/179410797.pdf>; дата обращения: 02.10.2016).

Неяскин г. «Это уже агония». Эксперты заметили, что экономика проваливается в 90-е. 03.06.2016 (<https://slon.ru/posts/68911>; дата обращения: 04.10.2016).

Николаев И. А., Марченко Т. Е., Точилкина О. С. Продовольствие в системе экономических санкций. М.: Институт стратегического анализа ФБК, 2016. (http://www.fbk.ru/upload/iblock/d34/food_sanctions.pdf; дата обращения: 05.10.2016).

Общественное мнение — 2015. М.: Левада-Центр, 2016.

Основные производные показатели динамики обменного курса рубля в январе-августе 2016 года. Центробанк РФ, 2016 (http://www.cbr.ru/statistics/print.aspx?file=credit_statistics/ex_rate_ind_16.htm&pid=svs&sid=analit; дата обращения: 02.06.2016).

О способах фальсификации молочной продукции. Россельхознадзор. 20.06.2016 (<http://www.fsvps.ru/fsvps/news/17481.html>; дата обращения: 05.10.2016).

Пенсионный эксперт. Пенсия в 2016 году. (<http://pensia-expert.ru/pensiya-v-2016-godu/#punkt15>; дата обращения: 02.10.2016).

Поддубный А. Возможности для снижения качества продукции не исчерпаны. 20.01.2016 (http://www.rbc.ru/spb_sz/20/01/2016/569f72f29a794714fefe6c80; дата обращения: 05.10.2016).

Реальные располагаемые денежные доходы по Российской Федерации. Росстат. 25.05.2016 (http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/urov_12kv.htm; дата обращения: 03.10.2010).

Ромир. Россияне нашли, чем гордиться. 26.08.2015a (http://romir.ru/studies/702_1440536400; дата обращения: 04.10.2016).

Ромир. Санкции почти на пол-страны 01.10.2015b (http://romir.ru/studies/711_1443646800; дата обращения: 04.10.2016).

Ромир. Есть можно, но осторожно 04.02.2016в (http://romir.ru/studies/752_1454533200; дата обращения: 04.10.2016)

Ромир. Сбережения на грани исчезновения. 31.03.2016а (http://romir.ru/studies/773_1459371600; дата обращения: 03.10.2016).

Ромир. Экономят все больше. 07.09.2016б. (http://romir.ru/studies/823_1473195600; дата обращения: 03.10.2016)

Рынок труда, занятость и заработная плата. Росстат, 2016 (http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages; дата обращения: 02.10.2016).

Социальное положение и уровень жизни населения России. 2004: Стат. сб. М.: Росстат, 2004.

Социальное положение и уровень жизни населения России. 2009: Стат. сб. М.: Росстат, 2009.

Социальное положение и уровень жизни населения России. 2014: Стат. сб. М.: Росстат, 2014.

Социальное положение и уровень жизни населения России. 2015: Стат. сб. М.: Росстат, 2015.

Социально-экономическое положение России. Январь–август 2016 г. . (http://www.gks.ru/free_doc/doc_2016/social/osn-08-2016.pdf; дата обращения: 02.10.2016).

Социально-экономическое положение федеральных округов — 2016 г. (http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_20/Main.htm; дата обращения: 02.06.2016).

Сценарные условия, основные параметры прогноза социально-экономического развития Российской Федерации и предельные уровни цен (тарифов) на услуги компаний инфраструктурного сектора на 2017 год и на плановый период 2018 и 2019 годов. Минэкономразвития России. М., 2016 (апр.) (<http://economy.gov.ru/wps/wcm/connect>; дата обращения: 02.10.2016).

Уровень жизни. Росстат, 2016 (http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/ (дата обращения: 02.10.2016).

Уровень жизни и доходы населения в августе 2016 г. (http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/; дата обращения: 02.10.2016).

Что ищут петербуржцы в Финляндии? 02.06.2016 (<http://www.fontanka.ru/2016/06/02/058>; дата обращения: 02.10.2016).

Цены на продукты в России выросли на 31% после введения контрсанкций. 02.08.2016 (<http://www.rbc.ru/rbcfreenews/57a0984d9a7947375c34ff4>; дата обращения: 05.10.2016).

Шагайда Н. «Антитурецкое эмбарго»: кто потерял больше? // Оперативный мониторинг экономической ситуации в России. Тенденции и вызовы социально-экономического развития. 2016 (июн.). № 10 (28). С. 22–27 (<http://iep.ru/files/RePEc/gai/monreo/monreo-2016-28-666.pdf>; дата обращения: 05.10.2016).

Узун В., Логинова Д. Российское продовольственное эмбарго: потери западных стран несущественны // Мониторинг экономической ситуации в России. Тенденции и вызовы социально-экономического развития. 2016 (сент.). № 14 (32). С. 24–29. (<http://iep.ru/files/RePEc/gai/monreo/monreo-2016-32-716.pdf>; дата обращения: 04.10.2016).

Яковлев А. Попытки роста: как российская экономика приспособилась к плохим временам 04.10.2016 (<http://www.rbc.ru/opinions/economics/04/10/2016/57f279749a7947ce07a53f48>; дата обращения: 05.10.2016).

Appel H., Gel'man V. Revising Russia's Economic Model: The Shift from Development to Geopolitics // PONARS Eurasia Policy Memo. 2015 (nov.). No. 397 (http://www.ponarseurasia.org/sites/default/files/policy-memos-pdf/Pepm397_Appel-Gelman_Nov2015.pdf; дата обращения: 05.10.2016).

Central Statistical Bureau, Latvia. 2016 (<http://www.csb.gov.lv/en>; дата обращения: 02.10.2016).

Gurieva S. Russia's Food Burning Campaign Is an Irrational Show of Control. 27.08.2015 (https://www.washingtonpost.com/opinions/russias-food-burning-campaign-is-an-irrational-show-of-control/2015/08/27/928f91c4-41ff-11e5-8e7d-9c033e6745d8_story.html; дата обращения: 04.10.2016).

Sobel R. S., Wagner R. A. Expressive Voting and Redistribution // The Encyclopedia of Public Choice / eds. C. K. Rowley, F. Schneider. Dordrecht, etc.: Kluwer acad., 2004. Vol. 2. P. 245–247.

Statistics Estonia. 2016 (<http://www.stat.ee/en>; дата обращения: 02.10.2016).

Statistics Lithuania. 2016 (<http://osp.stat.gov.lt/en/home>; дата обращения: 02.10.2016).

World Development Indicators. World Bank, 2016 (<http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=world-development-indicators>; дата обращения: 04.10.2016).

Zubarevich N. Four Russias and a New Political Reality // Putin's Russia. How It Rose, How It Is Maintained, and How It Might End / ed. L. Aron. Washington DC: American Enterprise Institute, 2015. P. 22–35.

Андрей Заостровцев
Россия: жизнь после 2013 года

Препринт М-51/16

В авторской редакции

Корректор — Д. Капитонов

Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге
191187, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 3А
books@eu.spb.ru

Подписано в печать 22.10.16
Формат 60x88 1/16. Тираж 50 экз.

**Центр исследований модернизации
Европейского университета в Санкт-Петербурге**

Книги, подготовленные сотрудниками М-Центра:

Травин Д., Маргания О. **ЕВРОПЕЙСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ**,
в 2 кн. М.; СПб.: АСТ, Terra Fantastica, 2004.

Маргания О.Л., ред., **СССР ПОСЛЕ РАСПАДА**.
СПб.: «Экономическая школа» ГУ ВШЭ, 2007.

Добронравин Н., Маргания О., ред., **НЕФТЬ, ГАЗ, МОДЕРНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА**.
СПб.: «Экономическая школа» ГУ ВШЭ, 2008.

Gel'man V., Marganiya O., eds, **RESOURCE CURSE AND POST-SOVIET EURASIA:
OIL, GAS, AND MODERNIZATION**. Lanham, MD: Lexington Books, 2010.

Травин Д. **ОЧЕРКИ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ РОССИИ. КНИГА ПЕРВАЯ: 1985–1999**.
СПб.: Норма, 2010.

Гельман В., Маргания О., ред.,
ПУТИ МОДЕРНИЗАЦИИ: ТРАЕКТОРИИ, РАЗВИЛКИ, ТУПИКИ.
СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011.

Травин Д., Маргания О.
МОДЕРНИЗАЦИЯ: ОТ ЕЛИЗАВЕТЫ ТЮДОР ДО ЕГОРА ГАЙДАРА.
М.; СПб.: АСТ, Terra Fantastica, 2011.

Гельман В. **ИЗ ОГНЯ ДА В ПОЛЫМЯ. РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИКА ПОСЛЕ СССР**.
СПб.: БХВ-Петербург, 2013.

Добронравин Н. **МОДЕРНИЗАЦИЯ НА ОБОЧИНЕ: ВЫЖИВАНИЕ И РАЗВИТИЕ
ЕПРИЗНАННЫХ ГОСУДАРСТВ В XX — НАЧАЛЕ XXI ВЕКА**. СПб.: Издательство Европейского
университета в Санкт-Петербурге, 2013.

Стародубцев А. **ПЛАТИТЬ НЕЛЬЗЯ ПРОИГРЫВАТЬ: РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И
ФЕДЕРАЛИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**. СПб.: Издательство Европейского университета
в Санкт-Петербурге, 2014.

эстровцев А. **О РАЗВИТИИ И ОТСТАЛОСТИ: КАК ЭКОНОМИСТЫ ОБЪЯСНЯЮТ ИСТОРИЮ**.
СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2014.

Gel'man V., Travin D. & Marganiya O. **REEXAMINING ECONOMIC AND POLITICAL REFORMS
IN RUSSIA, 1985–2000: GENERATIONS, IDEAS, AND CHANGES**.
Lanham, MD: Lexington Books, 2014.

Gel'man V. **AUTHORITARIAN RUSSIA: ANALYZING POST-SOVIET REGIME CHANGES**.
Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2015.

Травин Д. **КРУТЫЕ ГОРКИ XXI ВЕКА: ПОСТМОДЕРНИЗАЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ РОССИИ**.
СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015.

Президент М-Центра — кандидат экономических наук **О.Л. Маргания**
Научный руководитель М-Центра — кандидат экономических наук **Д.Я. Травин**
Исполнительный директор — кандидат политических наук **В.Я. Гельман**